

Михаил БАРУ – Ольга БАЛЛА-ГЕРТМАН

ЭЛЕКТРОНЫ МАЛЕНЬКИХ ГОРОДКОВ

К выходу книги: Михаил Бару. Скатерть английской королевы¹

Книги, как известно, бывают быстрые и медленные, – по скорости чтения, которую они задают читателю сами, сколько бы тот ни сопротивлялся. Книги странствий Михаила Бару (поэта, прозаика, переводчика, путешественника) – и «Непечатные пряники» (2020), и новейшая, «Скатерть английской королевы» (обе вышли в издательстве «Новое литературное обозрение»), – вне всякого сомнения, принадлежат к числу последних. Жизнь русских провинциальных городов (чаще городков), которые объезжает и составляет потом подробные описания их прошлого и настоящего неутомимый автор, множеством фактов из этой жизни, начиная иной раз ещё с дочеловеческих эпох естественной истории (заодно и с некоторыми заглядываниями в несбывшееся и невозможное), эти тексты полны настолько, что передвигаешься по ним буквально в режиме пешего хода. По ним нельзя бежать – то есть можно, конечно, только при этом ничего толком не разглядишь, и может показаться, что всё рассыпается. Между тем все эти факты, сбывшиеся и несбывшиеся, склеены автором крепчайше.

С текстами Бару о городах читатель «Волги» знаком давно, поскольку именно в этом журнале они выходят регулярно, – но, согласитесь, будучи собраны в книгу, в путевую энциклопедию русских поселений, а в конечном счёте, русской провинциальной жизни, и прочитаны подряд, – они приобретают дополнительное качество, которого, будучи рассыпаны по разным журнальным номерам, не обнаруживают: они складываются в цельную картину. О том, что составляет основу этой цельности для читателей – нам ещё постараются объяснить рецензенты, а вот в чём её видит автор – лучше его самого не расскажет никто. Поэтому говорим с Михаилом Бару о смыслах, истоках и тайных пружинах его исследовательского предприятия.

О.Б.-Г.

Ольга Балла-Гертман: *Прежде всего, расскажите, пожалуйста, об истории вашего проекта (это ведь проект?), о зарождении замысла, о том, трансформировался ли он по мере реализации.*

Михаил Бару: Во-первых, с детских лет люблю историю. Во-вторых, по натуре кладоискатель. В-третьих, не могу долго сидеть на одном месте, люблю путешествовать. В-четвертых, люблю изучать то, что не всех интересует. Особенно, когда в малом скрыто многое. Помните, как у Брюсова: «Быть может, эти электроны – / Миры, где пять материков, / Искусства, знания, войны, троны / И память сорока веков!». Для меня маленькие городки как электроны. «Там все, что здесь в объёме сжатом...». В-пятых, они меня интересуют не только как краеведа, но и как бытописателя – все эти воеводы, городовые казаки, стрельцы, городничие, городские головы, секретари райкомов, городские сумасшедшие, изобретатели, купцы, мещане, прохиндеи, прекраснодушные мечтатели, благотворители, учителя, врачи, главы администраций, хранители музейных фондов... В-шестых, у меня амбиции. Теперь-то я понимаю, что непомерные, а когда все только начиналось

¹ М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 368 с. – (Серия «Письма русского путешественника»).

полтора десятка лет назад – задумал я не более и не менее, как составить свой Лицевой свод из биографий наших уездных городов или райцентров. Только все его иллюстрации нарисовать словами. Я и представить себе не мог, что тут нужно как минимум девять, как у кошки, жизней и целый батальон, а лучше полк писателей, историков, краеведов и экономистов.

Первые мои очерки были коротенькими и представляли собой не столько биографии и даже не портреты, сколько эскизы и наброски. Я плохо знал материал и руководствовался больше впечатлениями, нежели первоисточниками. Всё было довольно поверхностно. Со временем я стал внимательнее изучать литературу. Стал, что называется, глубже копать, привлекать статистику, справочные материалы, записывать на диктофон рассказы музейных сотрудников и местных жителей. Маршруты экспедиций удлиннились. Как там в «Мертвых душах»: «Чичиков заметил, что он заехал в порядочную глушь». В глушь я забирался целенаправленно. Меня интересовали медвежьи углы, о которых никто или почти никто не пишет, в которые не приезжают туристы и о которых мало кто знает. Я перестал писать очерки и перешел к повестям. От эскизов и моментальных портретов – к подробным биографиям. Если бы я был министром культуры, то приказал бы основать серию «Жизнь незамечательных городов». Я бы давал творческие командировки писателям, чтобы они ездили по стране и писали такие книги. Как Горький инициировал написание «Истории фабрик и заводов», так бы и я... если бы, конечно, был министром или хотя бы начальником какого-нибудь департамента в министерстве культуры. Ещё приказал бы писать живые, а не скучные и сухие биографии, которые чаще всего пишут краеведы и историки, которых хлебом не корми, а дай всё засушить цифрами или фактами из жизни какой-нибудь мукомольной или кожевенной промышленности. Нет, ты, брат, раскопай и напиши мне про то, как жилось в те времена, что пили, что ели, как украли казённые деньги, когда брали подряд на строительство моста, как спьяну подожгли острог, как сгорела угловая башня с пятью пушками, как в тридцать седьмом арестовали... Вот тогда и будут все читать, не отрываясь, про Солигалич и Сергач, про Кологрив и Котельнич, про Урюпинск и Пудож. Впрочем, это уже не о проекте.

О.Б.-Г.: *Очень интересно узнать, по какому принципу выбираются вами города для поездок (или экспедиций? как точнее?), есть ли в этом система?*

М.Б.: Конечно, экспедиций. Именно так я их сам для себя называю. Во-первых, меня интересуют города с прошлым. Во-вторых, не крупнее райцентра. Это могут быть даже посёлки городского типа, если в прошлом они были городами. Таких у нас много. Советская власть любила города с многовековой историей превращать в посёлки городского типа или даже в сёла. В-третьих, в городе должен быть музей. Если его нет, то я, скорее всего, туда не поеду. Впрочем, бывают и исключения, но они крайне редки. В-четвертых, никогда не езжу в «раскрученные» города вроде Суздаля или Плёса. Они, безусловно, интересные, но и без меня на слуху, и там исследовано всё или почти всё. Для меня чем захолустнее – тем интереснее. Там, под временными пластами, временными осыпями и временными омутами и таятся настоящие сокровища.

О.Б.-Г.: *Есть ли у вас алгоритм(ы) освоения новых для вас городов – устойчивая последовательность действий, которые непременно надо выполнить? Или, по крайней мере, традиции, которые сами себе алгоритмы?*

М.Б.: Во-первых, я заранее изучаю всю доступную мне краеведческую литературу: книги, статьи в краеведческих сборниках и вообще тексты, до которых я могу дотянуться в сети. Что касается книг, то это, как правило, советские или дореволюционные издания. Это необходимо для того, чтобы знать, какие вопросы нужно задавать в музее или прохожим на улице.

Во-вторых, необходимо заранее созвониться с музеем или другими организациями, которые я планирую посетить. Ориентироваться на часы работы, указанные в интернете нельзя, поскольку

ку это наша родина. Музей может быть закрыт по тысяче самых разных причин. Экскурсовод может не прийти, например, потому, что у него в саду осыпается малина и её нужно срочно собирать. Я не шучу – именно такой случай был со мной в Гороховце. Музейного сотрудника можно понять и простить – очень часто сад и огород ему помогают выживать.

В-третьих, нужно непременно нужно посетить районную библиотеку и там разыскать все имеющиеся у них краеведческие материалы по интересующим вас вопросам. Сборники местных краеведов могут издаваться крошечными тиражами, к примеру, в сто экземпляров и не быть доступными нигде, кроме как в местной библиотеке. У меня всегда с собой фотоаппарат и запасные аккумуляторы. Иногда приходится тратить несколько часов на то, чтобы всё нужное переснять. В последний раз в Порхове я этим занимался часа три или четыре и потом долго не мог разогнуться.

В-четвёртых, я внимательно изучаю всю доступную литературу по данному городу и району в электронных каталогах областных библиотек. Сейчас я собираюсь поехать в Вытегру. Уже просмотрел триста номеров Олонецких губернских ведомостей с информацией о Вытегре и уезде. Предстоит просмотреть ещё столько же. Жаловаться на то, что приходится заниматься такой рутинной, я не буду. Это не рутина. Это очень интересно.

В-пятых, непременно нужно посетить какое-нибудь кафе или ресторан и послушать, что говорят местные жители и приезжие. Поговорить, если получится, с официантом, с администратором гостиницы, с прохожим.

В-шестых, если необходимо, списаться с районным или областным архивами и получить от туда необходимую информацию.

В-седьмых, прочесть диссертации, в которых есть материалы об интересующем тебя городе. К счастью, теперь диссертации выкладывают в сеть и их можно скачать за умеренную или не очень умеренную плату.

О.Б.-Г.: *Какое время необходимо и достаточно для того, чтобы понять и почувствовать город? И нужно ли вообще его чувствовать – добиваться от самого себя достижения его целостного и эмоционально – а то и эстетически – значимого образа?*

М.Б.: Всегда по-разному. Я должен его не столько почувствовать, сколько полюбить, чтобы написать о нём. Сначала понять, а потом полюбить. На то, чтобы понять, уходят месяцы. Иногда бывает наоборот: сначала полюбишь сам не зная за что, а потом уже и поймёшь. Я сам провинциал, и потому мне понять провинциальный город проще, чем жителю мегаполиса. Для меня эти тротуары, на которых может расти трава, дети, играющие на улицах, кошки и старушки, смотрящие из окон, палисадники перед домами понятны без предварительных объяснений, но любовь требует знаний о прошлом, о настоящем, о месте города в истории России, на литературной карте (и на ней тоже). Человек, как учил нас Джон Донн, не остров, а часть материка. К городу это тоже относится. Нужно найти и внимательно рассмотреть каждую ниточку, каждый капилляр, которыми этот остров связан с нашим общим материком. Именно этого и нужно добиваться от себя. Это совсем не то, что пройти по улице, подышать воздухом провинции и посидеть в городском парке. Всё куда глубже и сложнее.

О.Б.-Г.: *Вот вы назвали себя провинциалом, и немедленно стало интересно: а каков ваш исходный пространственный и культурный опыт в вашем родном городе – или где? – местом вашего рождения доступные поиску источники называют Киев, вот что уж далеко от тихой провинциальности.*

М.Б.: Я только родился в Киеве. В трёхмесячном возрасте был увезен мамой в Серпухов – к месту распределения папы и мамы. В Серпухове я жил до поступления в институт, а после окон-

чания института прожил еще четверть века в подмосковном Пущино-на-Оке. В сумме получается сорок два года. Две трети от моих шестидесяти четырех прожито в провинции.

О.Б.-Г.: *В каких городах из многих виденных вами вы остались бы жить (если это вообще правильно поставленный вопрос)? Вообще, есть ли у вас любимые города и / или особенно притягивающие Вас регионы нашего трудноизмеримого отечества?*

М.Б.: Сразу мне вспомнился Осташков. Увидел я там одноэтажный домик с мезонином – памятник архитектуры XVIII века, но при этом жилой, с петуньями в окне, с сиренью в палисаднике, – и сразу влюбился и в дом, и в город. Таким от него повеяло уютом и обаянием... Несмотря на то, что сам город довольно запущен. Там даже обветшавшие дома живописны, а уж близость озера Селигер делает его и вовсе неотразимым. В нём я бы остался жить, если... Этих «если» огромное множество, но я бы остался. К Осташкову прибавим Кинешму, Каширу, непременно Кимры с их прекрасным деревянным модерном, миниатюрную Нерехту с её чудесными плюшками и пирожками с яблоком, капустой и рыбой, которые пекут на местном хлебозаводе и продают на главной площади города из детской коляски, накрытой клеёнкой, разрисованной арбузами и ананасами. Прибавим Торопец, Шую, Рыбинск, Галич... Побывал я за много лет, наверное, в ста двадцати или больше городках нашего трудноизмеримого отечества. Если же говорить о регионах, то это прежде всего средняя полоса и севернее её. Впрочем, и на востоке много интересного. Правда, дальше Уржума и Лальска на восток я ещё не забирался. Когда-то я написал о провинциальном городке, в котором мне хотелось бы жить.

Для меня рай – это маленький уездный или вовсе заштатный городок. Неширокие улицы и совсем маленькие переулки, кое-где поросшие травой, многочисленные тропинки, небольшие частные домики, старые двух- и трехэтажные довоенные или купеческие дома, палисадники, пионы, георгины, река, от которой по вечерам тянет свежестью, плотва и уклейки, которых вывесили вялиться на бечёвках во дворах, кошки, которые ходят сами по себе или сидят на заборах, высматривая, как бы украсть рыбу, люди на скамеечках перед домами, тихие бесконечные разговоры, которые можно оборвать в любом месте и начать с того же места хоть через неделю, шашлычные дымки из-за заборов, дети, играющие в казаков-разбойников, катающиеся на трёхколесных велосипедах, бегающие наперегонки с собаками, маленький кинотеатр, в котором показывают только комедии шестидесятых годов, запах свежее испеченного хлеба, которым пахнет из городской пекарни, старое, заросшее бузиной кладбище с замшелыми и позеленевшими мраморными надгробиями, привидениями и каменной часовней времен Алексея Михайловича, в которой по ночам кто-то страшно шуршит, трагически шепчет и невыносимо жалобно стонет.

И непременно краеведческий музей, расположенный в старинном купеческом или дворянском особняке. Стены в нем толстые – все подоконники можно уставить цветочными горшками и утро начинать с того, чтобы поливать герани с фикусами и монстеры с традесканциями отстоявшейся водой из большой позеленевшей изнутри пластиковой бутылки. Чтобы на рабочем столе никаких компьютеров, а только чернильный прибор, стопки книг и рукописей, чтобы в книгах бумажные закладки, которые перекладывать каждое утро на новые места, чтобы каждое утро подчеркивать остро отточенным карандашом новые места, а старые стирать. И каждое утро писать себе новые напоминания на цветных бумажках и разбрасывать их по всему кабинету.

Много лет сочинять многотомную историю этого городка. В самых мельчайших подробностях. Одно описание платья жены первого городничего пусть занимает целую страницу, а то и две. Может быть, даже написать отдельную статью об этом платье, о цветочных гирляндах, которыми расшита атласная юбка, о батистовых ангажантах, о меховой выпушке, о воланах и отправить ее в «Вестник второй половины XVIII века» или отыскать в запасниках музея старинную карту из бересты, где красным крестиком отмечен клад из золотых арабских динаров, который зарыли в этих местах разбойники Емельки Пугачева, когда отступали и разбежались под натиском прави-

тельственных войск, или нарисовать план разрушенного дома, в котором родился Павел Иванович Чичиков или останавливался Гоголь, когда плыл из Петербурга в Рим на пакетботе «Святой Пётр», найти в этом доме обрывок письма Виссариона Григорьевича к Николаю Васильевичу, или к Павлу Ивановичу, или к ним обоим с тремя тщательно зачёркнутыми словами, или... ничего этого не делать, а просто смотреть в окно на копошащихся в пыли кур, на щенка, играющего со старым рваным ботинком, повторять про себя «В Москву, в Москву, в Москву!» и никогда в неё не уезжать.

О.Б.-Г.: *И есть ли, с другой стороны, город(а), который/-ые так и не дались пониманию? (Город ведь, подобно человеку, может и подпускать к себе, и не делать этого.)*

М.Б.: Москва. Что касается провинциальных городов, то я таких не помню. Для того, чтобы понять город, особенно российский, нужно отнестись к нему с сочувствием, с любовью. Это напоминает отношения с женщиной. Нужно выслушать его, пожалеть. Если чем-то можешь помочь – помоги. Тогда всё поймешь. Иногда даже больше, чем хотелось бы.

О.Б.-Г.: *Что при освоении городов, вообще, самое трудное?*

М.Б.: Недостаток информации. Безразличные к своему делу или попросту малограмотные музейные сотрудники, не идущие на контакт. Отсутствие краеведов, с которыми можно поговорить. Всё остальное преодолимо.

О.Б.-Г.: *Людей неинтересных в мире нет, как заметил известный некогда автор. А есть ли неинтересные города? – или в каждом, если уметь, можно найти что-то волнующее и достойное внимания? И если да – как это ищется? (Я на самом деле понимаю, что степень интересности / неинтересности зависит в первую очередь, если не единственно, от внутренних вопросов, с которыми путешественник обращается к городу, ища на них ответа. – В таком случае – могли бы Вы сформулировать хотя бы некоторые из Ваших внутренних вопросов, обращаемых к городам?)*

М.Б.: Я бы сказал, что есть города с разным прошлым, разным настоящим и разным будущим. Наверное, есть более интересные и менее интересные. Совсем неинтересных я пока не встречал. Да, нужно уметь найти это интересное. Вообще российский провинциальный город представляет собой что-то вроде холма или кургана, на котором стоят дома, растут деревья и над зданием районной администрации развевается флаг. Снаружи очень часто ничего особенного, но... внешность обманчива. Это холм, под которым может скрываться Троя. Нужно взять в руки лопату и начать копать, снимать один пласт времени за другим, рассматривать эти пласты в микроскоп, и тогда вы увидите, как самая обычная, иногда даже заурядная внешность преобразится, как заиграет необычными красками. Как это делать, я уже сказал в ответе на вопрос об алгоритме поиска. Собственно, кроме любви к предмету и упорства, здесь ничего не нужно. Ну, пожалуй, ещё умение организовать поиск необходимой литературы.

Теперь о внутренних вопросах. Это, пожалуй, самый важный момент. Обычно нас интересует два вопроса – что делать и кто виноват. На эти вопросы мы ищем ответы везде, где только можно – в романах, в стихах, в картинах, в музыке и, конечно, в истории. В мировой истории, в собственной истории и даже в собственном прошлом. Эти же вопросы и я задаю себе, но не ищу виноватых (хотя от такого поиска трудно, если честно, удержаться), а пытаюсь понять, почему получилось так, как получилось. Мне интересно сравнивать то, как было и то, как стало. Что осталось неизменным, несмотря на сотни прошедших лет. Это касается не только общественной жизни, промышленности или торговли. Хочется понять, почему, например, в прошлом русские купцы и промышленники, даже разбогатев и перебравшись в большие и столичные города, ни-

когда не забывали своей малой родины и строили в ней гимназии, больницы, детские приюты, жертвовали деньги на благоустройство города, а теперь... Хочется провинциальную жизнь разобрать на атомы и понять, почему раньше думали так, а теперь совсем по-другому или, наоборот, упорно продолжают держаться старых предрассудков. Приведу пример. XIX век. Самая его середина. Город Котельнич Вятской губернии. Ежегодная ярмарка. После того, как традиционный русский национальный костюм стал уходить в прошлое, на ярмарке появилось готовое платье. Оно было отечественного производства, но русские купцы, понимая про своего покупателя даже то, чего он сам про себя не понимал... на подкладке картузов писали французскими буквами фамилию русского фабриканта из Москвы, Казани или Нижнего. Покупателю, конечно, клялись в том, что картуз заграничный и сейчас из французских магазинов. И надпись показывали – самую что ни на есть французскую. И ведь что удивительно – покупали все эти головные уборы на ярмарке преимущественно крестьяне и мещане Вятской губернии. Модные московские магазины на Кузнецком мосту не приезжали сюда оптом закупать картузы. Крестьянам-то с мещанами зачем французские буквы на подкладке? Это у нас навсегда или...

И еще один вопрос, который я всегда себе задаю: что если бы вот здесь, здесь и здесь поступили по-другому? Что если бы пошли в другую сторону? Приведу ещё один пример. Был я как-то в городе Заволжске. Готов поспорить, что мало кто знает, где он находится. Смогут сказать только, что где-то рядом с Волгой. Да, он находится напротив Кинешмы. О Кинешме слышали многие, а вот о Заволжске вряд ли. Снаружи удивительно серый, невзрачный город, застроенный пятиэтажными домами. Порядком, кстати, обветшавшими. Из архитектурных достопримечательностей только страшно облупленная усадьба бывшего владельца сернокислотного завода, построенная по проекту братьев Весниных, да здание музея. Ничего там нет на поверхности. Вся его история – это история одного из первых российских заводов по производству серной кислоты. Мне это было интересно как химику. Пошел я в музей, осмотрел картины местных художников, прялку, швейную машинку «Зингер», какой-то буфет, старый стул и перешел в зал истории химического завода имени Фрунзе. Смотрю я на витрину и замечаю там старую потрёпанную книжку, выпущенную после войны каким-то отраслевым издательством к столетнему юбилею завода.

– Можно, – спрашиваю директора музея, – ее посмотреть и переснять?

А она отвечает:

– Да я вам её подарю. Кому она нужна, кроме специалистов. Кому вообще интересно слушать про подробности производства серной кислоты или бензола.

Открыл я эту книжку, и оказалось, что это нарисованный очаг в каморке под лестницей папы Карло, скрывавший подземный ход в волшебный театр.

В 1901 году у сернокислотного завода появился сосед – ещё один химический завод «Товарищества Русского бензол-анилинового завода». Завод этот основали два текстильных фабриканта по инициативе инженера-химика Александра Никифорова. Сокращённо предприятие называлось «Бензолан», а местные жители называли просто «Бензолка». Как можно догадаться по названию, производил он бензол и анилин. Российской текстильной промышленности до разреза были нужны свои анилиновые красители. Не покупные немецкие, а свои. И ещё российской промышленности нужен был бензол, из которого делали не только анилин, но ещё и мощное взрывчатое вещество тетрил и толуол, из которого, в свою очередь, делали тринитротолуол, из которого делали тротил, которым начинали снаряды, которыми собирались обстреливать... Ну, да мы не о том. Мы о том, что бензол у нас тоже был немецкий и он тоже был нужен свой. Учредителей у завода было пять, но именно Александр Никифорович Никифоров был тем учредителем, который предложил получать бензол из сырой русской нефти. Никифоров не только предложил, но и разработал технологию его получения. В 1902 году завод заработал, и через год было наработано уже такое количество бензола, которое можно было перерабатывать в анилин. Тогда получили немногим больше трехсот килограммов анилина, а уже через год... деревянное здание, в кото-

ром его производили, сгорело. Оно и не удивительно. При производстве бензола все было огнеопасным, особенно готовый продукт, который хранили на складе в деревянных бочках. Только в страшном сне сегодня может присниться деревянный склад с деревянными бочками, полными бензола, который образует с воздухом взрывоопасные смеси. Достаточно сторожа, даже трезвого, с керосиновой лампой в руке, чтобы... Все восстановили, но реторты, которые прогорали через каждые полтора месяца, и частые ремонты сделали производство убыточным. Завод при этом был не то что маленьким, но микроскопическим даже по тогдашним меркам – работало на нем шесть человек в две смены. В 1905-м Русское техническое общество и Товарищество братьев Нобель удостоили инженера Никифорова премии имени Людвиг Нобеля за способ получения из русской нефти бензола и его гомологов», а через год... завод снова остановили, а еще через год... махнули рукой и стали закупать бензол в Германии, чтобы на его основе получать анилин и анилиновые красители.

Настоящее промышленное производство бензола в России начнется только через десять лет, когда военные поймут, что без него у них не будет тротила. Станут бензол получать в Донбассе, из газа, который выделяется при нагревании коксующихся углей. Потом наладят производство бензола из нефти в Баку, на заводах «Товарищества нефтяного производства братьев Нобель», и к 1917 году взрывчатки и снарядов у России будет столько, что хватит еще на четыре года Гражданской.

Теперь работы Никифорова имеют лишь историческое значение, теперь и места того не найдти, где стоял сгоревший дотла заводской корпус, в котором пытались получать бензол, теперь... хорошо бы доску мемориальную. Пусть и не мраморную, а чугунную, с обычными чугунными буквами. Ведь это был, строго говоря, первый в России завод, специально построенный для получения бензола из российской нефти. Пусть у них не получилось, пусть получилось не у них и лишь через десять лет, но если бы не они... Если бы у них получилось? Тогда было бы у России бензола хоть залейся, и тротила тоже. Тогда в начале второго года Первой мировой мы бы не отступали из-за нехватки боеприпасов, а могли бы наступать и войти в Берлин в 1915 году. На тридцать лет раньше. Тогда... даже страшно подумать, как все могло бы быть, кабы у инженера-технолога Никифорова и его команды все получилось в 1905 году. Благодарные потомки воздвигли бы в Заволжске, который назывался бы, конечно же, Никифоров, а вовсе не Заволжск, даже не обелиск, а целый пантеон, в котором принимали бы в инженеры-нефтехимики студентов со всей России. Почетный караул вносил бы чёрное, цвета нефти, орденов Менделеева и Зелинского бархатное знамя нашей нефтехимии с вышитым на нем золотом бензольным кольцом. Студенты становились бы на одно колено, целовали знамя и торжественно клялись топить печки ассигнациями, а не нефтью, маленькие дети из детских садов и школ Заволжска, наряженные в костюмы атомов углерода, водорода и простейших углеводородов вроде пропана, бутана и бензола, водили бы хороводы в форме бензольного кольца и других циклических соединений, а взрослые пели бы хором под гитару песни о каталитическом крекинге и ректификации...

– Эх, ты размечтался, – скажет читатель и будет, наверное, прав. Денег на пантеон вряд ли дадут. Скорее всего, на деньги, собранные по подписке, поставят жители Заволжска маленький железный обелиск с маленькими железными буквами в маленьком и чахлам городскому саду. Насчет водящих хороводы детей в костюмах я не уверен, а вот собаки...

Какая там скука... Это я вам еще не рассказал про фабрику, которая делала фибровые чемоданы. С началом войны почти вся продукция фибровой фабрики стала военной. Еще в 1938 и 1939 годах фабрика освоила выпуск так называемой авиационной многослойной фибры, из которой клеили бензобаки на штурмовиках ИЛ-2. Поначалу такие бензобаки делали из металла. Достаточно было одного попадания пули, чтобы бак начинал течь. Пулевое отверстие в металлической стенке было аккуратным и круглым. В фибре пуля делала лучистое, рваное отверстие. Через такое отверстие, лепестки которого стремились закрыться под давлением массы бензина в баке, бензин вытекал куда медленнее. Кроме того, вытекающий бензин растворял резиновый протектор,

и отверстие затягивалось образовавшимся резиновым клеем. Такой фибровый бак выдерживал не одно, а несколько пулевых попаданий. И это не всё. Он был легче и выдерживал куда большие вибрационные нагрузки, чем металлический. Испытывали фибру прямо на заводе. Стреляли в неё из трофейных немецких автоматов. И это не всё. Еще был астроном Бредихин, изучавший кометы... Вот и нет скучного серого унылого города, а есть город с интереснейшей историей, до которой нужно только докопаться. Вот я и докапываюсь, и стараюсь писать о ней так, чтобы можно было не заснуть во время чтения.

О.Б.-Г.: *Не могу не спросить о ваших опытах с городами вне России. Попадая в какое-либо из поселений в иных землях, включаете ли вы поневоле – по привычке исследовательскую установку, стараетесь ли наработать себе сколько-нибудь системное знание о них или отпускаете себя на свободу и занимаете позицию туриста-созерцателя? И какие страны Вас особенно интересуют, волнуют, притягивают помимо нашего отечества?*

М.Б.: Стараюсь этого не делать. Там я просто турист. Это касается и музеев в больших городах России. Дома быть просто созерцателем сложнее, но я стараюсь, поскольку круглый год голова занята или написанием рассказа о провинциальном городе, или подготовкой к экспедиции, или собственными текстами, не имеющими отношения к краеведению. Меня, если честно, не волнует ни одна страна, кроме своей. Поводов для волнения у меня и здесь более чем достаточно. Конечно, интересно было бы посмотреть на Эверест хотя бы снизу вверх, взобраться на Мачу-Пикчу, посетить Британский музей, побродить по улицам Рима... но мне куда интереснее поехать в Солигалич или в Уржум. То есть я не отказываюсь от Рима или Лондона, но в свободное от поездок в Солигалич и Уржум время. Впрочем, теперь это всё разговоры, больше относящиеся к теории, нежели к практике.